

УДК 34:94(470)

ББК 67.3(2)4

Сравнительно-правовой анализ царского самодержавия славянских народов в эпоху Средневековья

А.В. Серегин

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Россия)

Comparative Legal Analysis of the Tsarist Autocracy of the Slavic Peoples in the Middle Ages

A.V. Seregin

Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia)

Средневековый феномен самодержавной формы правления славянских народов, ориентирующихся в своем развитии на опыт Византийской империи, predetermined не только их этническую, языковую, но и духовно-политическую общность.

Южнославянские народы (сербы и болгары) и восточные славяне (русы) попали в сферу канонического цивилизационного влияния константинопольского патриархата и государственно-правового наследия Второго Рима.

Вследствие христианизации славянские православные державы восприняли византийские идеи симфонии властей (светской и духовной), обогатив их началами сословно-соборного представительства, созываемого для наилучшего законотворчества.

Особо отмечается, что в средневековых Сербии, Боснии и Болгарии соборное представительство носило исключительно аристократический характер.

В Московском (великорусском) централизованном государстве, наоборот, участниками земских соборов наряду с боярством и духовенством являлись посадские люди и даже крестьянство.

Настоящая работа представляет собой оригинальный взгляд на разновидности царского самодержавия, среди которых автор рассматривает соборно-вотчинное (монархо-боярское) и земско-соборное (великорусское).

Ключевые слова: славяне, царское самодержавие, монархия, средневековье, Болгария, Сербия, Русское централизованное государство.

DOI 10.14258/izvasu(2018)3-04

Славянские племена сербов (включая боснийцев), болгар и русов, подвергшиеся византийской (греко-ромейской) христианизации в средневековую эпоху, не только восприняли сакральные идеи никейской религиозной традиции, позднего римского

The medieval phenomenon of autocratic rule of the Slavic peoples, guided in their development by the experience of the Byzantine Empire, predetermined not only their ethnic, linguistic, but also spiritual and political community.

South Slavic peoples (Serbs and Bulgarians) and Eastern Slavs (Russ) fell into the sphere of canonical civilizational influence of the Patriarchate of Constantinople and the state and legal heritage of the Second Rome.

As a result of Christianization, the Slavic Orthodox powers accepted the Byzantine ideas of the symphony of authorities (secular and spiritual), enriching them with the beginnings of the class-council representation convened for the best lawmaking.

The article also notes that in medieval Serbia, Bosnia and Bulgaria conciliar representation was exclusively of aristocratic character.

In Moscow (Great Russian) centralized state, on the contrary, members of the Zemsky Sobor, along with the boyars and clergy were the townspeople, and even peasants.

The present work represents an original perspective on the variety of the tsarist autocracy, among which the author considers the congregational-patrimonial (monarch-boyars) and the zemska-cathedral (Great Russian) ones.

Key words: Slavs, tsarist autocracy, monarchy, Middle Ages, Bulgaria, Serbia, Russian centralized state.

права [1, с. 325], но и уникальным образом соединили константинопольские теолого-политические концепции царской власти с моделями соборного самоуправления народа, имеющего значительный исторический опыт вечевого самоуправления.

В результате культурно-юридической рецепции византийского наследия появилась особая форма монархического правления — царское самодержавие, при котором верховная государственная власть, персонифицировалась государем, функционирующим в рамках политико-правового сотрудничества, допускающего принятие общеобязательных решений в совете с церковью, крупными вотчинниками-землевладельцами (боярами), служивыми людьми (дворянами), а иногда и податным населением (купцами, посадскими и т.д.), выражающими свою волю через избранных или призванных верховным правителем представителей в рамках общегосударственного собора [2, с. 160].

Вместе с тем монархические модели сербского, болгарского и древнерусского (московского или великорусского) державного механизма имели как общие, так и уникальные признаки, позволяющие выделять различные виды царского самодержавия.

Например, в средневековой Болгарии становление царского самодержавного правления проходило при слабом народном участии в государственных делах. По мнению В. Дьячана, произошло это под влиянием византийских порядков [3, с. 173]. Именно рецепция юридического уклада Второго Рима запустила процесс постепенного вырождения патриархальной славянской власти в ромейский бюрократизм и угнетение народа. «Все молодые порывы ... расцветавшего народа были переложены на византийский лад; государство заимствовало из Византии свои законы, иерархию — свой формалистический, холодный, напыщенный характер» [3, с. 173].

Так, в честь победы 9 марта 1230 г. при Клокотнице над войсками эфирского «императора» Феодора Комина [4, с. 66] Иван II Асень обновил Тырновскую церковь свв. Сорока мучеников и украсил ее торжественной надписью: *«В лето 6738 индикта я, Иван Асень, во Христе Боге верный царь и самодержец болгар, сын старого царя Асеня, воздвиг от основ и до верха украсил росписью эту церковь во имя святых Сорока мучеников, помощью которых я в двенадцатое лето моего царствования, когда расписывался этот храм, двинулся на войну в Романию и разбил греческое войско. Самого же царя, кира Феодора Комнина, я пленил со всеми его боярами и занял греческие земли от Одрина до Драча, а также земли арбанасские и сербские. Фряги владели только городами вокруг Царьграда, но и они повиновались деснице моего царства, ибо не было у них другого царя, кроме меня, и благодаря мне владели они дни свои...»* [5, с. 144–145].

Вместе с тем до принятия христианства (679–864 гг.) вечевая жизнь не просто сохранялась, но и влияла на основной вектор политического развития народа. Известны несколько случаев, когда

болгары лишали своих князей власти и выбирали новых. Так, избранный князь Сабин отправил послов к императору для мирных переговоров. В ответ на это болгарский народ собрал вече, на котором опротестовал решение своего правителя, говоря: «Ты хочешь отдать Болгарию в рабство грекам!» [5, с. 169]. Сабин бежал от недовольных в Месемврию, а оттуда к императору ромеев. Болгары же избрали себе другого князя, по имени Паган.

Более поздние события рассказывают лишь о боярском своеволии и ничего не упоминают о народных собраниях. Например, в 1258 г. бояре, собравшись на собор, избрали на царство Константина Асеня. В 1322 г., после смерти царя Тертерия, не оставившего наследника, болгарские бояре пригласили к себе деспота бдинского Михаила и провозгласили его царем, передав ему столицу и всю власть в государстве [5, с. 170].

Когда богомилство достигло высшей степени развития, царь Борис созвал собор для принятия мер против еретиков. Этот собор состоялся 11 февраля 1211 г. Многие из богомилов отреклись на соборе от исповедуемого ими учения, упорствовавшие же были наказаны по церковным законам, а над богомилским учением произнесена анафема. Но эти меры не искоренили ереси; она продолжала распространяться очень быстро, и вскоре ее последователи появились далеко за пределами болгарского царства — в средневековой Франции под именем катар, или альбигойцев, т.е. чистых. Поэтому около 1350 г. болгарский патриарх Феодосий II собрал против богомилов второй церковный собор, на котором председательствовал сам царь рядом с патриархом. Некоторые учителя ереси были схвачены и представлены на соборе. Феодосий спорил с ними об учении Богомила, о дуализме, браке, кресте и прочих вопросах. Монах Лазарь признался в своих заблуждениях и отрекся от них; тех же, которые не хотели отказаться от своей веры, царь согласно церковным законам велел клеймить раскаленным железом и изгнать из страны.

Кроме соборов против богомилов несколько позже, около 1355 г., собрался еще собор против ереси исихастов, а также против евреев, которые, полагаясь на покровительство второй супруги царя Александра, Феодоры, крещеной еврейки, насмехались над христианским учением и желали подражать боярам, вследствие чего сделались невыносимыми для народа. На этом соборе богомилы и исихасты были преданы проклятию, их старшины и священники сосланы, гражданские же права евреев ограничены специальной грамотой [5, с. 172].

Таким образом, болгарские соборы собирались преимущественно для избрания царя и по делам церковным. Участниками этих учреждений являлись

большие и малые бояре, а также духовенство во главе с патриархом, но под председательством царя.

Исходя из вышесказанного, форма правления древней Болгарии может быть охарактеризована как самодержавная (соборно-вотчинная) монархия, в которой по византийскому образцу проводился принцип симфонии власти духовной и светской. Царское самодержавие в средневековой Болгарии ограничивалось суверенными правами вотчинного (баштинного) боярства и иммунитетами духовенства.

Среди балканских славян собственную самодержавную государственность образовали сербские племена. Став обширным государством, Сербия достигла максимального расцвета при Стефане Душане (1331–1355 гг.), который присвоил себе пышный титул «кряля Сербия, Дукли, Хума, Зеты, Албании и Приморья, владетеля немалой части Болгарского царства и господина почти всей Византийской империи» (последнее напоминало о том, что у Византии были отняты Южная Македония, Фессалия, Эпир). В 1346 г. Стефан Душан венчался на царство. Для политического строя Сербии характерно, что собор — съезд церковной и светской знати продолжал функционировать, и царь вынужден был обращаться к нему при решении важных дел. На собор приглашались главным образом представители высшего духовенства и люди служащие (властели), занимающие различные должности. Иногда в совещаниях участвовали и женщины, например жена Стефана Немани. Как правило, соборы созывались правителями сербского народа, архиепископами и патриархами.

Основными прерогативами сербских соборов являлись:

- а) участие в процедуре венчания на престол нового правителя;
- б) избрание архиепископа и его посвящение;
- в) издание нового закона;
- г) избрание правителей Сербии;
- д) дача согласия королю на пожалование земель и издание хрисовулов;
- е) решение церковных вопросов [3, с. 156–163].

Судебное устройство в Сербии, как и во всяком феодальном государстве, было сложным. Так, имелись господские суды, суды церковные, был особый суд, осуществляемый чиновником, взыскивающим пошлины, и т. д. Главное место принадлежало царским судам — придворному, областному, городскому. Областной суд большую часть времени проводил в разъездах, осуществляя общий надзор за всей юстицией в регионе. Как пережиток старины был суд поротников, т. е. суд присяжных. В зависимости от характера дела поротники (в составе 24, 12 или 6 человек) большинством голосов выносили вердикт. Им было запрещено мирить стороны.

По существу, сербское королевство по форме правления являлось соборно-вотчинным самодержавием.

Сербские и хорватские традиции верховной власти оказали значительное влияние на форму правления средневековой Боснии. Обусловлено это тем, что первоначально (VII–XI вв.) ее территория заселялась сербскими племенами, управляемыми жупанами [3, с. 30] и «великашами» — родовыми старейшинами. В руках последних концентрировалась военная власть над местными дружинами [6, с. 306].

После распада в XII столетии Дуклянской державы боснийские земли получили фактическую самостоятельность при формальном признании над собой сеньориального покровительства со стороны мадьярской монархии, а затем и Византийской империи. В качестве верховных правителей боснийские баны заключали международные договоры и формировали собственную администрацию, состоящую из должностных лиц — «честников» [7, с. 5–6]. В начале XIII в. бан Нинослав присвоил себе титул «великого боснийского бана» [8, с. 7–8], что свидетельствовало об укреплении монархического начала политического господства. Но наибольшую силу единоличная власть бана приобрела в XIV столетии при правлении Степана II. В этот исторический период бан избирался государственным собором (советом *властелы*, т. е. феодалов) из рода Котромановичей [6, с. 310].

В отличие от международных договоров бана Нинослава, заключаемых не только от своего имени, но и от своих «бояр» и «братии» (родственников), Степан II подписывал международные документы единолично [9, с. 6–7; 10, с. 7–8]. Правителю также принадлежало право монетной монополии. Бан назначал воевод — военачальников, находившихся в подчинении главного воеводы. При дворе правителя имелись казначей (казнац), ведавший государственными доходами, пекарник, отвечавший за приготовление пищи, а также дьяки, выполнявшие функции секретарей и нотариусов.

Во внутренней политике бану приходилось согласовывать свои действия с ближайшими родственниками и феодалами. Например, в случае дарения земли или предоставления милости («веры»), грамоты, в которых закреплялся данный юридический акт, издавались и от имени его матери и брата [11, с. 93].

Государственный собор обладал правами, равными с баном. В его подведомственности находились все вопросы. В грамотах правителей он именовался «вся Босния» или просто «Босния» [12, с. 44].

При дворе бана вершилось правосудие [13, с. 7–8; 14, с. 8–10], причем государственный собор, в составе 12 «добрых Бошнан», разрешал в судебном порядке споры между феодалами и правителем [15, с. 153].

Данную форму правления логично назвать дуалистическим самодержавием бана и государственного собора (соборно-вотчинным самодержавием), со смешанной (выборно-наследственной) формой престолонаследия.

На Руси к середине XVI в. сложилось уникальное земско-соборное самодержавие. Так, в 1547 г. на царство был венчан Иван Васильевич Грозный. Из рук Московского митрополита он принял знаменитую «шапку мономаха» и другие символы царской власти. С этого момента Великий Московский князь официально стал именоваться царем [16, с. 64]. Следовательно, династическая идея исключительного права на древнерусское государство Рюрика племена соединяется с теологической доктриной «божественного провидения», легитимируя вселенское самодержавие нового христианского базилевса как наследника византийских императоров [17, с. 55].

Вокруг молодого Ивана IV образуется совет приближенных бояр, которые способствуют 17-летнему монарху в проведении структурных реформ. Этот совет близких к царю людей получил название «Избранная рада». Так назвал его на польский манер А. Курбский в одном из своих сочинений. Кроме А. Курбского в «Избранную раду» входили А. Адашев, Д. Курлятев, М. Воротынский, И. Висковатый, а также Московский митрополит Макарий и духовник царя, священник Благовещенского собора Кремля Сильвестр. Состав избранной рады представлял интересы различных слоев господствующего класса. Опираясь на этих весьма авторитетных людей, молодой Иван Васильевич успешно проводил те преобразования, которые получили название реформ середины XVI в. [18, с. 419]. Особую заинтересованность в проведении государственно-правовых реформ проявляло дворянство. Свообразным идеологом его был талантливый публицист того времени дворянин Иван Семенович Пересветов. Он обратился к молодому монарху с челобитными, в которых изложил программу необходимых изменений. Одним из ярких проявлений государственно-правовых реформ, осуществленных Иваном IV в середине XVI в., явилось создание сословно-представительного органа государственной власти под названием Земский собор [19, с. 3]. Впервые этот орган собрался в Москве в 1548 г. [20, с. 9]. По мнению Л.В. Черепнина, прообразом земского собора являлся созыв Великим князем Всеволодом Юрьевичем в 1211 г. большого совета, состоявшего из всех своих бояр (от волостей и городов), епископа Иоанна, игуменов, попов, купцов, дворян и всех людей, для признания своим наследником сына Юрия, в противовес желанию народного веча [21, с. 55–56].

Вместе с тем, в отличие от княжеских советов служилых людей, Земский собор XVI в. условно состоял из двух палат:

- 1) верхняя палата: царь, боярская дума, духовенство;
- 2) нижняя палата: представители от дворянства и верхов посадских людей.

Участники Земского собора 1566 г., призванные обсудить вопросы, связанные с ведением Ливонской войны, в которую вмешался Король Польский и Великий Князь Литовский, Русский и Жмудский Сигизмунд-Август, делились на особые группы и статьи, от которых подавалось особое мнение: первую группу составляло духовенство, вторую — бояре, окольные и государевы дьяки; третью — дворяне первой статьи, четвертую — дворяне и дети боярские второй статьи, пятую — торопецкие помещики, шестую — луцкие помещики, седьмую — дьяки и приказные люди, восьмую — гости (купцы) и смоляне [22, с. 23–24]. Примечательно, что групповое обсуждение вопросов не исключало возможность подачи государю частных мнений, например, в группе бояр особое мнение изложил печатник Висковатый [23, с. 24].

Земские соборы работали не постоянно, они созывались по указу царя. Продолжительность их работы зависела от существа обсуждаемых вопросов. Инициатива созыва Земского собора могла принадлежать как собственно царю, так и патриарху или сословиям. Компетенция Земских соборов не была четко установлена. Позже на соборах будут выбирать даже царей. Депутаты Земских соборов в своих решениях ориентировались на «наказы избирателей» [24, с. 84]. Зачастую необходимость созыва Земских соборов определялась содержанием челобитных [24 с. 79–84], например, в работе В.И. Корецкого отмечается, что Земский собор 1580 г., посвященный вопросу о войне и мире с Речью Посполитой, являлся реакцией на коллективную челобитную от дворянства, просившего заключить мир из-за повсеместного разорения поместного хозяйства [25, с. 90–91]. Боярские приговоры, затрагивающие наиболее важные вопросы управления, особенно в сфере организации обороны, как правило, выносились не единолично, но коллегиально, с учетом мнения разных служивых слоев. Так, в «Боярском приговоре о станичной и сторожевой службе 1571 г.» закреплялась формула, что «по государеву, царёву и великаго князя Ивана Васильевича всея Руси приказу, боярин, князь Михайло Ивановичъ Воротынскойой, приговорил съ дѣтми боярскими, съ станичными головами и съ станичники о путивльскихъ, и о тульскихъ, и о рязанскихъ и о мещёрских станицах и о встьхъ украинских и о дальнихъ и т.д.» [26, с. 2], аналогичным советательным образом на боярском совете (в составе Ивана Дмитриевича Бельского, Ивана Федоровича Мстиславского и Князя Михайло Воротынского) в том же году был решен вопрос о замене рязанских сторожевых отрядов казаками [27, с. 5].

Л.А. Тихомиров считал, что именно такое царское самодержавие, сложившееся в Московском царстве, является образцом единения верховной власти и народа. «По царскому судебнику всякие правители, — пишет он, — назначаемые в городе и волости, не могли судить дел без общественных: „на суде у них быть — дворскому и старосте, и лучшим людем“» [28, с. 260].

Признавая сложность управительной власти Московского государства, со множеством технических несовершенств, он все же указывал на «одно драгоценное качество: широкое допущение аристократического и демократического элементов, пользование им общими силами, под верховенством царской власти со всеобщим правом челобитья к царю. Это давало Верховной власти широкое осведомление, сближало ее с жизнью всех сословий, и во всех Русских вселяло глубокое убеждение в реальность

Верховной власти, все направляющей и все устраняющей» [28, с. 260].

Таким образом, царское самодержавие следует разделить на два вида:

соборно-вотчинное самодержавие, представляющее собой форму правления, при которой устанавливается дуализм монархического (царского) и аристократического (боярского начала), когда в рамках соборного учреждения под председательством государя представители духовенства и боярства совместно решают общегосударственные вопросы, в рамках симфонии властей церковной и светской;

земско-соборное (русское) самодержавие, кооперирует в единый политический механизм церковь, боярство, сословное представительство Земского собора (служивого, т.е. дворянского и тяглого, как правило, посадского населения) и единоличную власть государя.

Библиографический список

1. Николић Драган Историја права: стари и средњи век. — 4-е изд. — Ниш, 2014.
2. Серегин А.В. Демократическая диктатура и самодержавное народоправство: сравнительно-правовое исследование государственных моделей управления : моногр. — М., 2018.
3. Дьячан В. Участие народа в верховной власти в славянских государствах до изменений их государственного устройства в XIV и XV вв. — Варшава, 1882.
4. Георгий Акрополит История. — СПб., 2005.
5. Польшваный Д.И. Культурное своеобразие средневековой Болгарии в контексте византийско-славянской общности IX–XV веков. — Иваново, 2000.
6. Солодовникова О.С. Становление боснийской средневековой государственности (XII — первая половина XIV в.) // Вестник ВГУ. Сер.: лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2008. — № 3.
7. Договор Боснии с Дубровником 1189 г. // Одабрани споменици српског права (од XII до краја XV века) / прикуп. и уред. А.В. Соловјев. — Београд, 1926.
8. Грамота бана Нинослава 1240 г. // Стари српски повељи и писма / Скупио и средио Стојановић Љ. // Зборник за историју, језик и књижевности српског народа. I одељење. Књ. 19. — Београд — Ср. карловци, 1929.
9. Договор Боснии с Дубровником 1234 г. // Одабрани споменици српског права (од XII до краја XV века) / прикуп. и уред. А.В. Соловјев. — Београд, 1926.
10. Договор Боснии с Дубровником 1240 г. // Стари српски повељи и писма / Скупио и средио Стојановић Љ. // Зборник за историју, језик и књижевности српског народа. I одељење. Књ. 19. — Београд. — Ср. карловци: Србска манастирска штампарија, 1929.
11. Грамота боснийског бана Борича 1159 г. // Хрестоматия по истории южных и западных славян: в 3 т. Т. I: Эпоха феодализма. — Минск, 1987.
12. Грамота бана Твртка 1353 г. // Стари српски повељи и писма / Скупио и средио Стојановић Љ. // Зборник за историју, језик и књижевности српског народа. I одељење. Књ. 19. — Београд. — Ср. карловци, 1929.
13. Грамота бана Степана II 1332 г. // Стари српски повељи и писма / Скупио и средио Стојановић Љ. // Зборник за историју, језик и књижевности српског народа. I одељење. Књ. 19. — Београд. — Ср. карловци, 1929.
14. Грамота бана Нинослава 1214 г. // Стари српски повељи и писма / Скупио и средио Стојановић Љ. // Зборник за историју, језик и књижевности српског народа. I одељење. Књ. 19. — Београд. — Ср. карловци, 1929.
15. Грамота бана Нинослава 1240 г. // Стари српски повељи и писма / Скупио и средио Стојановић Љ. // Зборник за историју, језик и књижевности српског народа. I одељење. Књ. 19. — Београд. — Ср. карловци, 1929.
16. Грамота бана Нинослава 1249 г. // Стари српски повељи и писма / Скупио и средио Стојановић Љ. // Зборник за историју, језик и књижевности српског народа. I одељење. Књ. 19. — Београд. — Ср. карловци, 1929.
17. Грамота бана Твртка 1353 г. // Стари српски повељи и писма / Скупио и средио Стојановић Љ. // Зборник за историју, језик и књижевности српског народа. I одељење. Књ. 19. — Београд. — Ср. карловци, 1929.
18. Авдеев Д.А. Форма правления в России (краткий конституционный очерк) : моногр. — Тюмень, 2015.
19. Фасиев Т.А. Венчание на царство как одно из идеологических средств легитимации власти московских царей // Эволюция российского и зарубежного государства

и права. К 80-летию кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета (1936–2016) : Сб. науч. тр. Т. III: Эволюция русского государства и права, учений о российском государстве и праве в трудах — поздравлениях коллег / Под ред. проф. А.С. Смыкалина. — Екатеринбург, 2016.

20. Фроянов И.Я. Драма русской истории: На путях к Опричнине. — М., 2007.

21. Тихомиров Л.А. Самодержавие и народное представительство. — М., 1907.

22. Беляев И.Д. Земские соборы на Руси: От Ивана Грозного до Екатерины Великой. — М., 2014.

23. Черепнин Л.В. Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. — М., 1978.

24. Лукьянчикова Л.В. Осуществление непосредственного народовластия в России XVI–XX вв.: генезис, исторический опыт : моногр. — М., 2016.

25. Корецкий В.И. Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в. — М., 1980.

26. Боярский приговор о станичной и сторожевой службе 1571 г. // Акты Московского государства, изданные императорскою академиею наук под редакциею Н.А. Попова, члена-корреспондента академии. — Т. I: Разрядный приказ. Московский стол. 1571–1634. — СПб., 1890.

27. Боярский приговор об освобождении рязанских сторожей от службы на сторожах, а служить им рядовую службу; о назначении на их место на сторожи казаков из украинских городов; о замене путивльских севрюков, которые ездили на донецкие сторожи из найму, Путивльскими и Рыльскими детьми боярскими 1571 г. // Акты Московского государства, изданные императорскою академиею наук под редакциею Н.А. Попова, члена-корреспондента академии. — Т. I: — Разрядный приказ. Московский стол. 1571–1634. — СПб., 1890.

28. Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. — М., 1998.